

Оглавление

1.....	9
2.....	10
3.....	22
4.....	28
5.....	44
6.....	52
7.....	67
8.....	72
9.....	90
10.....	100
11.....	113
12.....	124
13.....	137
14.....	145
15.....	156
16.....	171
17.....	184
18.....	201
19.....	214
20.....	222
21.....	233
22.....	247
23.....	253

24.....	261
25.....	272
26.....	283
27.....	294
28.....	316
29.....	339
30.....	353
31.....	376
32.....	392
33.....	402
34.....	413
35.....	430
36.....	449
37.....	468
38.....	483
39.....	497
40.....	516
41.....	528
42.....	547
43.....	559
44.....	564
45.....	567
46.....	574
47.....	582
48.....	587
49.....	588
50.....	592
51.....	596

*Для юной меня,
которая начала писать эту историю.
И для взрослой меня,
которая смогла понять, как ее закончить*

От автора

В книге затрагиваются темы психического здоровья и суицида. Я уверена: без упоминания этих, без сомнения тяжелых, вещей история не вышла бы полной, и я постаралась подойти к их описанию как можно аккуратнее, черпая из собственного опыта, изучая вопрос и прислушиваясь к мнениям своих читателей. Тем не менее некоторые сцены могут быть неприятны или содержать триггеры для некоторых читателей.

Если вы или кто-то из ваших знакомых терзается темными мыслями или эмоциональными проблемами, прошу, позвоните на национальную линию предотвращения суицида или напишите на Кризисную текстовую линию, чтобы с вами поговорили¹. Оба этих сервиса абсолютно бесплатны и работают круглосуточно, семь дней в неделю. Для глухих и слабослышащих предусмотрена Линия жизни по телефону.

¹ Информация актуальна для США. В России подобную помощь оказывает, например, «Центр экстренной психологической помощи МЧС России». — *Примечание редактора.*

Очарованная призраками

1

Я всегда знала: я погибну в воде. Это было моим первым видением — до того даже, как я поняла, что вообще умею видеть. С тех пор я собрала их слишком много — и каждое помнила наизусть.

Большинство видений эфемерны, постоянно изменяются и ускользают от меня под другим светом, другими углами... Но видение, в котором я тону, всегда твердо и незыблемо. Так твердо, что оставляет на рассудке и душе синяки.

Кожей я чувствую ледяную воду. Она накрывает меня, словно шторм, раскидывает в стороны пряди моих волос, а потом затуманивает взор. И я не вижу ничего, лишь пытаюсь добраться до поверхности и вдохнуть. Я знаю, что до нее недалеко, но всегда замираю на месте и опускаюсь все ниже и ниже, пока стопы мои не касаются дна.

Глаза мои закрыты. Меня окутывает тьма. Легкие горят, горят, горят... я боюсь, что еще немного, и они взорвутся.

Воздух так близко, я могу просто оттолкнуться от дна... но я этого не сделаю. Попросту не захочу.

Я погибну в воде — через неделю, или год, или десять лет. И это будет мой выбор.

Здесь, у станка, меня накрывает покой: пальцы танцуют над шелковыми нитями, как над струнами лиры, и будущее расстилается передо мной стежок за стежком, возможность за возможностью. Такие знакомые движения, повторенные бесчисленное количество раз — каждое важно в своей простоте, — постепенно превращаются в гобелен, рассказывающий историю, и малое становится великим. Бесконечным.

Еще ребенком, живя в Шалоте, я научилась мнять цвет нитей, чтобы картина вышла полной, застывшей во времени, но теперь я использую лишь белые. Магические нити блестят, подобно опалам, в свете полуденного солнца, попадающего в мою комнату сквозь огромное окно.

Снаружи о расшатанную скалу, на которой высятся мой дом, бьются волны, коронованные жемчужной пеной. Они впиваются в берега Авалона с рокотом, который я слышу даже здесь, внутри, но это ничего. Их ритм успокаивает мой разум, делает его мягким, пустым и податливым — идеальным для магии, текущей во мне от пальцев до пят.

Не отрываю взгляда от нитей, смотрю, как они свиваются вместе, слушаю шум волн и гоню прочь все мысли, чтобы не осталось ничего, кроме меня самой, — ни Авалона, ни моих друзей, ни прошлого, ни изогнутых линий будущего, похожих на трещины на стекле. Только я. Только здесь.

Белизна ширится и изменяется, по ее блистающей поверхности словно пробегают тени. Нити под моими пальцами тихонько вибрируют и светятся. Что-то изменилось. Я чувствую это и в своем теле тоже: что-то неназываемое тянет меня за кожу, сверкает внутри головы, грозясь опрокинуть меня прямым в то *видение*, которое для меня приготовило.

За последние десять лет у меня было немало видений — сотни, может быть даже тысячи, — но я все равно никак не могу привыкнуть к этому чувству: что на мгновение и мое тело, и мой разум перестают мне принадлежать.

Я вынырываю из видения на звук — кто-то стучит в дверь. Пальцы замирают над белым шелком нитей. Я снова становлюсь собой, и мир вокруг оглушает своей резкостью, яркостью... *реальностью*.

Поднимаю взгляд, даю ему время сфокусироваться и понимаю: он стоит за окном, костяшки пальцев все еще прижаты к стеклу, на полных губах — хитрая улыбка. В свете авалонского солнца его кожа кажется золотой.

— Ну же, Шалот. — Из-за разделяющего нас стекла его плохо слышно.

Он кивает в сторону пляжа, и его черные волосы блестят на солнце. За ним стоят еще трое — все явно хотят, чтобы я к ним присоединилась и провела день у моря, наслаждаясь солнцем и водой.

— Такой хороший день, а ты под крышей торчишь.

Каждый день на Авалоне — слишком хорош, чтобы проводить его в здании. Но у меня особо нет выбора.

Это я и хочу ответить, но изо рта выпадает:

— Дайте мне час.

Он щурится — в зелени его глаз я вижу, что он не поверил, — а потом пожимает плечами, отворачивается и как бы невзначай опускает руку на гарду висящего у бедра меча. Он возвращается к друзьям, и все машут мне в знак приветствия. Я отвечаю тем же.

«Ты трратишь слишком много сил, — выговаривает мне Нимуэ всякий раз, когда находит меня здесь по утрам, и я пытаюсь сфокусировать на ней расплывающийся взгляд. — Так провидцы и сходят с ума».

Но иногда мне кажется, что с ума я сойду, если надолго отойду от станка. Пророчества удерживают меня над бездной безумия.

Я провожаю друзей взглядом, и у меня перехватывает дыхание. Артур и Гвиневра держатся за руки. Я не вижу его лица, но знаю: оно пунцовое — рядом с Гвен иначе никак. Моргана склоняет-

ся к его уху и что-то шепчет, Артур тут же легонько пихает ее в плечо, и она смеется — иссиня-черные волосы закрывают всю ее спину. Ланселот качает головой, наблюдая за ними, а потом оглядывается и ловит мой взгляд.

— Один час, — повторяю я.

Он меня не слышит, но понимает по губам и кивает.

Какая-то часть меня жаждет кинуться за ними, прочь от станка — на время, на день, навсегда, пока он меня не разрушил. Но я не могу. Я возвращаюсь к плетению, подбираю нити. И, когда видение накрывает меня, я уже не могу остановиться: я ныряю в него с головой.

— Моргана, не делай этого, прошу.

Это не мой голос, но однажды он им станет. В нем будет столько отчаяния, столько страха... Где-то возведут эту комнату — из теней и кости, освещенную лишь парой свечей, которые давно превратились в восковые лужицы. В неясном свете зрачки Морганы будут казаться громадными: она, словно безумная, носится по комнате, смахивая с полок бутылочки, открывая их, приносясь к содержимому и опрокидывая в бурлящий котел. Волосы будут развеиваться позади нее грозovým облаком, неуложенные и дикие. Она с раздражением сдует мешающиеся пряжи, но промолчит. И слова мне не скажет. Даже на меня не посмотрит.

По коже моей побегут мурашки, и я почувствую запах серы, поднимающийся от зелья.

И пойму, что Моргана варит что-то опасное. Что-то смертельное.

— Моргана... — Голос меня подведет, но я все равно ее позову.

Моргана сделает вид, что не слышит меня. А потом я трону ее за плечо, и она отпрянет в сторону, но хотя бы поднимет на меня невидящий взгляд фиолетовых глаз.

Эта Моргана — совсем не та, которую я знаю сейчас, но она стала моим самым первым другом и была рядом с тех пор, как мне исполнилось тринадцать.

— Я этого не потерплю, Элейн. — Голос ее прозвучит спокойно и собранно, никак не увязываясь с хаосом вокруг, с бурей в ее глазах. — То, что сделал Артур...

Слова эти ничего для меня не значат. У меня еще нет этих воспоминаний. Никаких картинок, никаких мыслей. Я не знаю, что сделал — *сделает* — Артур, чтобы заслужить гнев Морганы. Должно быть, это будет поистине ужасно.

— Он поступил так, как считал нужным.

Эти слова мне знакомы — словно я повторяла их много раз. И я буду верить в то, что говорю. Всеми фибрами души.

Моргана сделает шаг назад и горько усмехнется.

— Выходит, ты считаешь Артура дураком, Элейн? Разве он не знал, как поступает? Что хуже... быть глупцом или бессердечным?

Ее взгляд прожжет меня — и я отвернусь, не в силах защитить Артура. Впервые в жизни.

— И кем же он был? — продолжит она, и это совсем не риторический вопрос — Моргана ждет от меня ответа. — Он по-глупому благороден или под его тихой образованностью скрывается настоящее вероломство?

— Артур любит тебя, — отвечу я, потому что больше сказать мне нечего.

Это единственная правда, в которой я уверена, но это не означает, что Моргана неправа. Оба этих факта неопровержимы, хоть и не могут сосуществовать.

Она усмехнется и отвернется, откупорит бутылочку, и оттуда в кипящий котел проскользнет змеиная тень. Она с визгом погибнет, эхо предсмертного крика повиснет между нами.

— А ты? — Я обрету голос и спрошу самое важное. — Он ведь твой брат, и я знаю, ты его любишь. Как ты могла даже подумать о том, чтобы сделать это?

Моргана снова попробует отвернуться, но я схвачу ее за руки и заставляю посмотреть мне в лицо.

— Тот мальчик, которого ты дразнила, когда начал ломаться его голос? Который краснеет всякий раз, как Гвен улыбнется ему? Который всегда вставал на твою сторону, когда каждый придворный во дворце хотел тебя изгнать? Или сделать что похуже? Если ты сделаешь это, Моргана, то назад дороги не будет. Этот самый момент являлся мне в видении, и я умоляю тебя не делать этого. Не разрушай то, что мы построили. Не позволяй нашим узам растаять.

И Моргана засомневается. Она посмотрит на меня, и я увижу в ней ту Моргану, которую всегда знала: словно свет, пробивающийся сквозь заколоченное окно.

Она откроет рот и...

Я возвращаюсь в настоящее, моргаю и опускаю взгляд на то, что соткала: на гобелене над котлом склонилась темноволосая женщина, а рядом с ней стоит светловолосая, скрестив руки и наблюдая за первой.

Так на все это смотреть куда легче, чем в видеении. В нитях оно кажется далеким, и я могу представить, что это вовсе не мы с Морганой. Может, эти незнакомые мне женщины варят любовное зелье или лечебный отвар. Может, они говорят о погоде и посевах.

В самый первый раз это видение явилось ко мне во сне, до того как я научилась ткать. Оно было неясным и бессвязным, и я почти ничего не помнила, когда проснулась. Благодаря станку я могу сосредоточиться, и после у меня всегда остается картина: реальная и цельная.

— Опять отравление? — раздается позади меня.

Поворачиваюсь и вижу застывшую в дверях Нимуэ: ее серебряное платье контрастирует с темной кожей и плотно облегает фигуру, оставляя плечи открытыми.

Я живу здесь, на Авалоне, уже десять лет, но все еще не могу отделаться от мысли: надень она что-нибудь подобное в Камелоте, ее бы забили до смерти камнями. Но мы не в Камелоте, а Нимуэ —